

УДК 811.511.152.1

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-2-207-218

Особенности вокализма эрзянских говоров Присурья

Н. А. Агафонова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ohanina@rambler.ru*

Г. В. Рябова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
ryabova.gv@bk.ru*

М. В. Цыганова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
tsyganova.mariya.98@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В мордовском диалектном ареале изучение специфики присурских говоров имеет существенное значение для анализа динамики развития диалектов, возникших в результате смешения близкородственных языков – эрзянского и мокшанского. Описание особенностей гласных фонем, их вариантов и вариаций в говорах Присурья даёт возможность показать современное состояние фонетической системы и установить основные тенденции развития анализируемых говоров, а также явлений, характерных только для данного диалектного ландшафта.

Цель: выявление в системе вокализма некоторых эрзянских говоров Присурья фонетических особенностей, связанных с разграничением фонем, их вариантов и вариаций.

Материалы исследования: полевые материалы авторов, собранные во время лингвистических экспедиций в бассейне реки Сура на территории Республики Мордовия, а также диалектные материалы диалектного кабинета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Результаты и научная новизна. Проведённый анализ выявил ряд особенностей системы вокализма в мордовских говорах Присурья: 1) наличие двух систем гласных – с пятифонемным и шестифонемным составом; 2) употребление в непервых слогах слова *й*-образного и *э*-образного редуцированных гласных; 3) наличие *ä* и *â*-образного редуцированного гласного конца слова; 4) образование лабиализованных гласных в непервом слоге слова.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществляется сравнительный анализ системы вокализма мордовских говоров Присурья в общем контексте мордовской диалектологии.

Ключевые слова: эрзянский язык, диалекты, фонетическая система, вокализм, фонема, варианты, вариации, ассимиляция, аккомодация

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках реализации гранта РНФ 24-28-00534 «Цифровое описание мордовских диалектов Присурья».

Для цитирования: Агафонова Н. А., Рябова Г. В., Цыганова М. В. Особенности вокализма эрзянских говоров Присурья // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 2 (57). С. 207–218.

Features of vocalism of the Erzya dialects in the Sura region

N. A. Agafonova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ohanina@rambler.ru*

G. V. Ryabova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
ryabova.gv@bk.ru*

M. V. Tsyganova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
tsyganova.mariya.98@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: in the Mordovian dialect area, the study of the specifics of the Sura dialects is essential for analyzing the dynamics of the development of dialects that arose as a result of mixing closely related languages – Erzya and Moksha. The description of the features of vowel phonemes, their variants and variations in the dialects of the Sura region makes it possible to show the current state of the phonetic system and establish the main trends in the development of the analyzed dialects, as well as phenomena characteristic only of this dialect landscape.

Objective: identification of phonetic features in the vocalism system of some Erzya dialects of the Sura region related to the differentiation of phonemes, their variants and variations in strong and weak positions.

Research materials: field materials of the authors collected during linguistic expeditions in the Sura River basin on the territory of the Mordovia Republic and dialect materials of the dialect room of the National Research Ogarev Mordovia State University.

Results and novelty of the research: the analysis revealed a number of features of the vocalism system in the Mordovian dialects of the Sura region: 1) the presence of two vowel systems – with a five-phonemic and six-phonemic composition; 2) the use of *ĩ*-shaped and *ə*-shaped reduced vowels in non-first syllables of a word; 3) the presence of *ä*-shaped and *â*-shaped reduced vowel in the end of a word; 4) the formation of labialized vowels in a non-first syllable of a word.

The scientific novelty of the work consists in the fact that for the first time it provides the comparative analysis of the vocalism system of the Mordovian dialects of the Sura region in the general context of Mordovian dialectology.

Key words: Erzya language, dialects, phonetic system, vocalism, phoneme, variants, variations, assimilation, accommodation

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the implementation of the Russian Science Foundation grant 24-28-00534 “Digital description of the Mordovia dialects of the Prisursky region”.

For citation: Agafonova N. A., Ryabova G. V., Tsyganova M. V. Features of vocalism of the Erzya dialects in the Sura region // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (2/57): 207–218.

Введение

Под термином «говоры Присурья» нами рассматриваются говоры сёл Паракино, Пермиси Большеберезниковского района и Качелай, Мордовское Давыдово Кочкуровского района Республики Мордовия. Все эти населённые пункты сравнительно близко расположены друг от друга и находятся в междуречье реки Суры и её притоков – рр. Нерлейка, Штырма. В этих говорах на всех уровнях языка зафиксированы как эрзянские, так и мокшанские элементы, они представляют собой смешанные эрзянско-мокшанские говоры.

Современная дифференциация эрзянских говоров Присурья сложилась в результате длительного исторического развития. Они имеют разнородную диалектную основу. При анализе диалектного материала, как отмечает П. Н. Лизанец «первостепенное значение имеет исследование междиалектного контактирования» [11, 45]. Присурские говоры в языковом отношении характеризуются весьма глубокой дифференциацией, поскольку его диалектный ландшафт формировался в течение длительного периода заселения эрзей и мокшей данной территории [19, 14]. Специфика формирования

исследуемых говоров определяется сложным взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов. В настоящее время результаты этого влияния пронизывают все сферы присурских говоров, в том числе и фонетическую систему.

Исследование смешанных говоров Присурья позволит по-новому интерпретировать многие дискуссионные моменты в фонетическом фрагменте. В присурских говорах прослеживается наличие нескольких языковых типов, что объясняется исторической неоднородностью фонетической системы рассматриваемых говоров, в которой можно наблюдать явления, характерные как для эрзянского, так и мокшанского языков. Контактное взаимодействие близкородственных языков приводит к их обогащению, за счёт появления новых элементов, как в фонетике, так и в лексике, и в морфологии. Изучение диалектных особенностей пограничных говоров даст возможность исследовать современные эрзянские диалекты в динамике их развития.

Фонетика и морфология в той или иной степени рассматривалась в первых грамматиках по мордовским языкам Ф. Видемана [27],

Й. Буденца [23], Х. Паасонена [28]. Системный характер фонетической структуры эрзянского языка описывается в трудах А. А. Шахматова [22], Д. В. Бубриха [4], Р. Бартенс [24], в монографии «Грамматика мордовских языков» [5]. Фонетическая система современного эрзянского языка представлена в работе М. Д. Имайкиной [10].

Вопросам диалектной фонетики мордовских языков уделили внимание такие исследователи как С. З. Деваев [6], Т. И. Ломакина [12], Г. С. Иванова [8], Н. В. Иванова [9]. Специфика диалектных типов эрзянского языка нашла отражение в работах Д. В. Цыганкина [17; 18], Н. Ф. Цыганова [21], А. П. Феоктистова [25], Г. И. Ермушкина [7]. Большое внимание изучению отдельных присурских говоров уделили Д. В. Цыганкин [16], В. Д. Объедкин [14], М. Т. Бибин [3], Л. Керестеш [26]. Некоторые вопросы фонетического и морфологического варьирования эрзянских говоров нашли отражение в работах Н. А. Агафоновой, И. Н. Рябова и Д. В. Цыганкина [1; 20]. Анализ литературы, непосредственно касающейся говоров Присурья, показывает, что система вокализма описываемых говоров располагает лишь отдельными сведениями, которые требуют уточнения и дополнения.

По мнению Д. В. Цыганкина, «современное состояние изученности мордовских говоров даёт основание утверждать, что отличие одних мордовских говоров от других сводится, в основном, к различной степени проявления их частных особенностей...» [19, 13]. Ареал Присурья, имеющий обширную территорию, отличается богатым диалектным разнообразием и требует дополнительного комплексного исследования на всех уровнях языка.

Задачи настоящей работы: 1) описание системы вокализма некоторых эрзянских говоров Присурья; 2) выявление основных типов изменений в фонетической системе гласных фонем исследуемого ареала; 3) сравнительный анализ диалектных гласных фонем, их вариантов и вариаций с эрзянским литературным языком.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили диалектные тексты авторов, которые собраны

нами во время лингвистических экспедиций в бассейне р. Сура на территории Республики Мордовия в 2021 и 2022 гг. Дополнительным источником при подготовке исследования послужили полевые материалы диалектологического кабинета филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, собранные на протяжении пятидесяти лет при проведении диалектологических экспедиций в различные районы Республики Мордовия и места компактного проживания эрзи и мокши на территории Российской Федерации [ПМК]¹.

Для решения конкретных исследовательских задач использовались эвристические методы лингвистического анализа, которые в диалектологических исследованиях связаны со сбором документов и фактов. Фиксация языкового материала проводилась, опираясь на программу-вопросник, в которой отражается лексическое, фонетическое и морфологическое варьирование языковых явлений [2]. В работе для анализа диалектного материала применялись описательный и сравнительный методы.

Результаты

Статья посвящена анализу фонологической системы эрзянских говоров Присурья. Рассмотрению подлежат отдельные вопросы системы вокализма, связанные с разграничением фонем в сильных и слабых позициях. Состав гласных фонем определяется отдельно для первого, первого и последнего слогов.

Анализ системы гласных фонем присурских говоров является фрагментом в общем исследовании мордовских диалектов и выявлении дифференциации гласных. Детальное рассмотрение вводимого в научный оборот материала говоров Присурья расширяет представление о функционировании эрзянского диалектного языка конца XX – начала XXI в. Изучение лингвистического ареала исследуемой территории позволяет оценить эти говоры с точки зрения современных условий языковой реальности, создаёт базу для дальнейшего теоретического осмысления проблем, связанных с основными закономерностями развития фонемных систем эрзянского диалектного ландшафта.

¹ ПМК - полевые материалы кабинета, записи мордовской речи, хранящиеся в виде картотеки в диалектном кабинете филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Присурский диалектный ландшафт сложился в течение длительного времени в результате сложных процессов, обусловленных историей заселения мордвой данного ареала. Как отмечает Д. В. Цыганкин «по территории распространения этих говоров проходит целый ряд изоглоссных языковых явлений неэзрянского происхождения, включая и такие, которые являются основными при определении характера специфики говоров» [19, 14]. Присурский ареал распространения эзрянских диалектов и говоров обладает комплексом системно связанных черт, часть которых объединяет их между собой, другая же часть, наоборот, отличает их друг от друга. Эти говоры противопоставлены другим эзрянским диалектам и составляют относительное единство в пределах своего распространения.

В анализируемых говорах в результате фонетических изменений из прамордовской системы гласных возникли две системы гласных фонем – с пяти- и шестифонемным составом. Гласные фонемы в сильной позиции встречаются в первом слоге слова, в непервых слогах наличествуют варианты или вариации фонем. По мнению Н. С. Трубецкого, «мордовские звуковые законы имеют в основном регрессивный характер. С общей регрессивной ориентацией мордовской фонологии связаны свойственные мордовскому языку особенности первого слога. Пять гласных фонем – **и, о, а, е, і** – только в первом слоге ведут себя как подлинно самостоятельные фонемы» [15, 65].

Система гласных первого слога слова. В эзрянском языке гласные фонемы первого слога слова составляют вершину слова и определяют первый слог как головной слог слова. Н. С. Трубецкой замечает, что «гласные первого слога значительно отличаются от гласных остальных слогов, а так как и начальные согласные обнаруживают особое поведение, то первый слог вообще получает исключительное фонологическое положение» [15, 65]. Выбор гласных в непервых слогах слов определяется, по утверждению Н. Ф. Цыганова, «не только порядком слов и качеством согласных, но и прежде всего гласным начала слова...» [21, 3–4]. Гласные первого слога слова в эзрянском диалектном ареале, как и в литературном языке – фонематичны, они определяют системность вокализма, гармонию гласных по ряду, губную гармонию и редукцию гласных.

В эзрянском диалектном ареале, по мнению Д. В. Цыганкина, «вокализм исходного слова является собой значительное диалектное разнообразие, что обусловлено их фонетической неустойчивостью и имеющие свои специфические особенности употребления гласных в исходе слова» [17, 62]. Вокализм первого слога слова говоров сёл Мордовское Давыдово, Паракино, Пермиси, Качелай характеризуется наличием следующих гласных фонем: <a>, <u>, <o>, <i>, <e>, <ä>. Гласные <a>, <o>, <u>, <i>, <e> по своей артикуляции не отличаются от соответствующих гласных эзрянского литературного языка. В говоре сёл Пермиси и Мордовское Давыдово выступает пять гласных фонем, как и в литературном языке – <a>, <u>, <o>, <e>, <i>, в говорах сёл Паракино и Качелай – встречается шесть гласных фонем: <a>, <o>, <u>, <i>, <e>, <ä>.

Фонема <a>. В исследуемых говорах, как и в литературном языке, употребление фонемы <a> первого слога слова не имеет вариантов и вариаций, сравните: *ava* «женщина», *pat'a* «старшая сестра», *at'akš* «петух» [ПМА 1: Ларькина, Силантьева]. Эта фонема встречается во всех современных диалектах эзрянского языка и, по мнению Д. В. Цыганкина, «отличается частым употреблением в разных позициях» [17, 26].

Фонема <o>. Эта фонема характерна для всех диалектов эзрянского языка. В сильной позиции гласная фонема <o> не имеет вариантов: *orgat* «дрожжи», *ožat* «рукава», *rov* «пуговица», *pot'ams* «сосать», *morams* «петь». В описываемых говорах <o> в первом закрытом слоге чередуется с <u>. Продуктивность этого чередования ограничена особыми фонетическими условиями – наличием губных согласных после этой гласной. Сравните: д. ф. *jotams* / *jutams* – э. л. *ёмамс* 'пропасть'; д. ф. *sovams* / *suvams* – э. л. *совамс* 'входить', д. ф. *rovavs'* / *puvavs'* – э. л. *повавсь* 'подавился' [ПМА 3: Адушкин, Нарядкина]. Влияние губных согласных может быть не только контактно, но и дистактно, например: д. ф. *ormaza* / *urtnaza* – э. л. *ормаза* 'бешенный, сумасшедший' [ПМК].

Фонема <u>. В рассматриваемых говорах употребление фонемы <u> первого слога слова чаще всего наблюдается без изменения относительно литературного языка: *umar'* «яблоко», *udâ* «он спит», *kudâ* «дом», *čuftâ* «дерево»,

kuvaka «длинный» [ПМА 1: Ларькина, Силантьева].

Фонема <i>. В эрзянском диалектном ареале в функционировании фонемы <i> первого слога слова как открытого, так и закрытого, особенностей с литературным языком не наблюдается: *in'z'ij* «малина», *ir'id'iz'* «пьяный», *ik'il'ä* «вперед» *p'ir'ä* «огород», *p'il'ä* «ухо», *p'izä* «гнездо», *sirgams* «двинуться, направляться» [ПМА 3: Маштаков, Паранькина].

Гласные фонемы <i> и <u> в первых слогах слова ведут себя неодинаково при наличии в непервом слоге слова гласной [a]. Так, если в эрзянском литературном языке наличествует фонема <i> или [u], тогда в исследуемых говорах зафиксирована [i] – вариация фонемы <i>: э. л. *kirтан* – д. ф. *kirtan* ‘я опалю’, э. л. *kirвазтемс* – д. ф. *kirvas't'ims* ‘зажечь’, д. ф. *pirdavks* – э. л. *пурдавкс* ‘поворот’, э. л. *пургамс* – д. ф. *pirgams* ‘брызнуть’ [ПМА 2: Агейкина, Ошкин]. После губных согласных в первом в закрытом слоге слова гласный <u> нередко чередуется с гласной [i], сравните: д. ф. *murdams / miřdams* – э. л. *мурдамс* ‘возвратиться; свернуть’, д. ф. *purпnams / piřnams* – э. л. *пурнамс* ‘собирать’, д. ф. *mukir / miřkirä* – э. л. *мукуро* ‘задняя часть бедра’, д. ф. *purgams / piřgams* – э. л. *пургамс* ‘брызнуть’ [ПМА 3: Адушкин, Нарядкина]. В анализируемых говорах это чередование зафиксировано перед твёрдым вибрантом [r] и заднеязычными согласными [g], [k]. Изменения гласных <i> и <u> первого слога слова, по мнению Н. Ф. Цыганова, «претерпевают редукцию из-за ударности широкой гласной [a] непервого слога слова, что связано с действием мокшанского типа словесного ударения» [21, 5].

В рассматриваемом диалектном ареале фонема <e> литературного языка в первом слоге слова ведёт себя неоднозначно. В одних присурских говорах реализуется только <e>, в других – параллельно с фонемой <ä> наличествует фонема <ä>. В говорах сёл Пермиси и Мордовское Давыдово зафиксирована гласная <e>, как и в эрзянском литературном языке, сравните: д. ф. *k'ev* – э. л. *кев* ‘камень’, д. ф. *v'es't'* – э. л. *весть* ‘однажды’, д. ф. *k'ed'* – э. л. *кедь* ‘рука’, д. ф. *sed'* – э. л. *сэдь* ‘мост’, д. ф. *s'el'mä* – э. л. *сельме* ‘глаз’, д. ф. *k'el'm'ä* – э. л. *кельме* ‘холод’ [ПМА 2: Агейкина, Ошкин]. В говорах сёл Паракино и Качелай в одних словах выступает сама гласная фонема <e>, в других – <ä>,

сравните: д. ф. *k'ed'* ‘рука’ и *k'äd* ‘кожа’ – э. л. *кедь* ‘рука; кожа’; д. ф. *p'el'* ‘половина и *p'äl'* ‘туча’ – э. л. *пель* ‘туча; половина’; д. ф. *p'el'ems* ‘сверлить’ и *p'äl'ims* ‘бояться’ – э. л. *пелемс* ‘бояться; сверлить’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева].

Гласная фонема <ä> наличествует в говорах юго-восточного диалектного типа, частично западного, шокшанского, а также в эрзянских говорах Городищенского и Бессоновского районов Пензенской области, Бугурусланского и Северного районов Оренбургской области, Инзенского и Николаевского районов Ульяновской области [13]. Эта фонема первого слога слова отсутствует в эрзянском литературном языке, центральном и северо-западном диалектных типах. По мнению Д. В. Цыганкина, «во всех эрзянских диалектах общемордовский <ä> сузился и по своим артикуляционным признакам совпал с гласной <e>, тогда как в мокшанском языке он сохранился. Наряду с этим происходит расширение общемордовского <e> (ф.-у. *e) в <ä>» [17, 24]. Фонема <ä> – переднего ряда, нижнего подъёма, нелабиализованная, широкая. По своим произносительным особенностям она совпадает с аналогичной фонемой мокшанского языка, сравните: э. д. *k'äd'* – м. я. *k'ed'* ‘кожа’, э. д. *v'äl'ä* – м. я. *v'el'e* ‘село’, э. д. *s'äl'm'ä* – м. я. *s'el'm'e* ‘глаз’, э. д. *m'el'* – м. я. *m'äl'* ‘мысль’, э. д. *k'ed'* – м. я. *k'äd'* ‘рука’, э. д. *k'el'* – м. я. *k'äl'* ‘язык’, э. д. *k'emt'* – м. я. *k'ämät* ‘сапоги’ [ПМК]. Однако, по происхождению фонема <ä> эрзянского и мокшанского языков с точки зрения диахронии различна. Анализируемая диалектная фонема рассматриваемых говоров восходит к прамордовскому *e, который, в свою очередь, связан с финно-угорским *i [21, 5; 22, 730–731; 28, 72–73].

Фиксация в присурских говорах регулярной замены <ä> и <e> как в открытом, так и закрытом первом слоге слова происходит, во-первых, в зависимости от качества согласных, во-вторых, от открытости-закрытости первого слога слова, например: *äjkäš* ‘ребёнок’, *äjd'ä* ‘дитя’, *äs'indzä* ‘свой (его)’, *s'äl'm'ä* ‘глаз’, *v'äl'ä* ‘село’, *k'äl'm'ä* ‘холодный’, *v'äl'm'ims* ‘воскреснуть, ожить’ [ПМА 2: Агейкина, Ошкин]. В говорах сёл Паракино и Качелай в первом слоге слова гласная фонема <ä>, как открытого, так и закрытого слога, функционирует вместо эрзянского литературного <e> в следующих позициях:

1) перед мягким согласным: *äjkakš* ‘ребёнок’, *äjd’ä* ‘дитя’, *äs’indzä* ‘свой (его)’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева];

2) между мягкими согласными в первом слоге слова: *s’äl’m’ä* ‘глаз’, *t’ät’am* ‘мой отец’, *t’äjims* ‘делать’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева];

3) между всегда твёрдым заднеязычным согласным и парным мягким согласным: *k’äl’ij* ‘широкий’, *k’äl’m’ä* ‘холодный’, *k’är’ams* ‘резать’ [ПМА 3: Адушкин, Нарядкина];

4) между всегда твёрдыми губными согласными и парным мягким согласным: *v’äl’m’ims* ‘воскреснуть, ожить’, *v’är’iv* ‘кровяной’, *vär’ik* ‘сырой’, *m’äjl’ä* ‘потом, затем’, *p’äl’t’* ‘облака’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева];

5) между всегда твёрдыми согласными: *k’äv’in’* ‘каменный’, *m’äk’iv* ‘обратно’, *p’äzims* ‘вымыть голову’ [ПМА 3: Адушкин, Нарядкина];

6) редко встречается фонема <ä> между твёрдым и мягким парными согласными: *säd’* ‘мост’, *sän’* ‘синий’, *säv’ims* ‘съесть’, *sär’ij* ‘высокий’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева]. Данная гласная фонема переднего ряда <ä> в этом случае не смягчает впереди стоящий парный твёрдый согласный.

Особенности гласных непервого слога слова. Фонетические отношения гласных звуков непервого слога слова изучаемого ландшафта весьма своеобразны и сложны. Прежде всего, сюда относятся изоглоссы, представленные редукцией гласных с различной качественной направленностью, которые создают своеобразную структуру вокализма эрзянских говоров Присурья. Основные фонетические особенности в системе гласных зафиксированы в непервых слогах слова, где представлены три типа гласных: нейтральные – [a] и [i], гласные переднего ряда – [e], [ä] и редуцированные гласные, произносимые с э-образным или ĩ-образным оттенком. Редукция – это устойчивая черта анализируемых говоров. Во всех перечисленных говорах в непервом слоге слова редуцированные гласные по своим произносительным признакам нужно отнести к гласным [o] или [э] эрзянского литературного языка [18, 27-30]. Она наличествует преимущественно в непервых слогах слова вместо этимологического *u, который затем, по мнению Д. В. Бубриха, «развился в некоторых диалектах эрзянского языка в [o]» [4, 171–174].

Артикуляция редуцированного гласного в зависимости от гласного предшествующего

слога различна. Так, если в первом слоге слова наличествуют гласные заднего ряда <a>, <o>, <u>, то в непервых слогах слова зафиксирован [i]-образный редуцированный гласный, который характерен для говоров сёл Паракино и Качелай и [э]-образный редуцированный гласный, наличествующий в говорах сёл Пермиси и Мордовское Давыдово вместо литературных гласных [o] и [e] полного образования. Сравните: д. ф. *angördavks* / *angərdavks* – э. л. *ангордавкс* ‘ссадина, царапина’, д. ф. *kadims* / *kadəms* – э. л. *кадомс* ‘оставить’, д. ф. *mastir* / *mastər* – э. л. *мастор* ‘земля’, д. ф. *patir’ks* / *patər’ks* ‘крошка’ – э. л. *паморькс*, д. ф. *kudis’* / *kudəs’* / *kuc’* – э. л. *кудось* ‘этот дом’, д. ф. *rocidims* / *rocədəms* – э. л. *почодомс* ‘посыпать’, д. ф. *lofciftimā* / *lofcəftamā* – э. л. *ловсовтомо* ‘без молока’, д. ф. *moris’* / *morəs’* / *mors’* – э. л. *морось* ‘эта песня’ [ПМК].

В речи информантов эрзянских говоров сёл Мордовское Давыдово, Пермиси зачастую [э]-образный редуцированный гласный вообще выпадает: д. ф. *skals’* – э. л. *скалось* ‘эта корова’, д. ф. *mors’* – э. л. *морось* ‘эта песня’, д. ф. *loman’c’* – э. л. *ломанесь* ‘этот человек’, д. ф. *kuc’* – э. л. *кудось* ‘этот дом’, д. ф. *uz’ir’s’* – э. л. *узерьесь* ‘этот топор’, д. ф. *čočks’* – э. л. *чочкось* ‘это бревно’ [ПМА 3: Маштаков, Паранькина; ПМА 2: Агейкина, Ошкин].

В говорах сёл Паракино, Качелай, Пермиси и Мордовское Давыдово непервый слог слова регламентируется следующими фонетическими закономерностями. Гласная переднего ряда [i] в непервом слоге слова оказывается неизменным, если в первом слоге имеется гласная [i]. В такой позиции, как правило, произносится [i] вместо литературного [e]: д. ф. *p’ir’isā* – э. л. *пиресэ* ‘в огороде’, д. ф. *p’il’ivam* – э. л. *пилевам* ‘по моему уху’, д. ф. *v’ijizā* – э. л. *виезэ* ‘его сила’, д. ф. *t’ikšis’* – э. л. *тикшесь* ‘эта трава’ [ПМК].

В анализируемых говорах Присурья в непервых слогах слова после фонем <e> и <ä> первого слога зарегистрированы, относительно литературного языка, разные гласные. В говорах сёл Пермиси и Мордовское Давыдово после фонемы <e> фиксируется гласная [e], как и в литературном языке: д. ф. *k’el’ej* – э. л. *келей* ‘широкий’, д. ф. *p’ejez’e* / *p’ejem* – э. л. *пеем* ‘мой зуб’, д. ф. *p’el’ems* – э. л. *пелемс* ‘сверлить’ [ПМА 2: Агейкина, Ошкин; ПМА 3: Маштаков, Паранькина]. В говорах сёл

Паракино, Качелай после фонемы <ä> первого слога слова закономерно выступает гласная [i], вместо литературного [e]: д. ф. *p'äjim* – э. л. *пеем* ‘мой зуб, мои зубы’, д. ф. *m'äd'in* – э. л. *медень* ‘медовый’, д. ф. *k'äl'ij* – э. л. *келей* ‘широкий’, д. ф. *p'äl'ims* – э. л. *пелемс* ‘бояться’; д. ф. *t'äj't'ir'it'* – э. л. *тейтеренть* ‘этой девушки’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева; ПМА 3: Адушкин, Нарядкина].

В этих говорах в непервых слогах слова гласная <ä> зафиксирована:

1) между двумя мягкими парными согласными: д. ф. *pat'än'* – э. л. *патьянь* ‘моей старшей сестры’, д. ф. *t'ät'än'in'* – э. л. *тетяньень* ‘моему отцу’, д. ф. *t'ät'ät'in'* – *тетятень* ‘твоему отцу’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева; ПМА 3: Адушкин, Нарядкина];

2) после парных мягких согласных: д. ф. *t'el'ä* – э. л. *теле* ‘зима’, д. ф. *m'äj'l'ä* – э. л. *мейле* ‘потом’; д. ф. *täjä* – э. л. *теи* ‘он делает’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева; ПМА 3: Адушкин, Нарядкина];

3) после губных согласных: д. ф. *p'iz'im'ä* – э. л. *пиземе* ‘дождь’, д. ф. *kojm'ä* – э. л. *койме* ‘лопата’, д. ф. *ojm'ä* – э. л. *ойме* ‘душа’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева; ПМА 3: Адушкин, Нарядкина]. Появление палатальности всегда твёрдых губных согласных фонем эрзянского языка связана с регрессивной аккомодацией.

В непервом слоге слова гласный заднего ряда [u] нами зафиксирован только перед губными согласными *v* (f) и *m*. Особенностью анализируемых говоров является лабиализация гласных как переднего, так и заднего ряда: д. ф. *v'äl'uv* / *v'el'u* – э. л. *велев* ‘в село’, д. ф. *p'ir'uv* / *p'ir'u* – э. л. *пирев* ‘в огород’, д. ф. *čovuv* – э. л. *човов* ‘пенистый’, д. ф. *pul'uv* – э. л. *пулев* ‘пыльный’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева]. Эта закономерность прослеживается:

1) в некоторых абсолютных формах существительных: д. ф. *toduv* – э. л. *тодов* ‘подушка’, д. ф. *uluv* – э. л. *улов* ‘покойник, труп’ [ПМА 3: Адушкин, Нарядкина];

2) в формах латива и пролатива имён существительных: д. ф. *v'ir'uv* / *v'ir'u* – э. л. *вирев* ‘в лес’, д. ф. *m'en'el'uv* / *m'en'el'u* – э. л. *менелев* ‘на небо’, д. ф. *v'el'uva* / *v'äl'uva* – э. л. *велева* ‘по селу’, д. ф. *p'il'g'uvvat* – э. л. *пильгеван* ‘по моим ногам’ [ПМА 2: Агейкина, Ошкин];

3) перед словообразовательными суффиксами имён прилагательных: д. ф. *saluv* – э. л. *салов* ‘солёный’, д. ф. *v'ijuv* – э. л. *виев* ‘сильный’,

д. ф. *t'ikšuv* – э. л. *тикшев* ‘травянистый’, д. ф. *k'ežuv* – э. л. *кежсей* ‘злой’, д. ф. *k'el'uv* – э. л. *келей* ‘широкий’, д. ф. *kuluvuv* – э. л. *куловов* ‘испачканный в золе’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева];

4) при словообразовании наречий: д. ф. *ik'il'uv* / *ik'il'u* – э. л. *икелев* ‘вперёд’, д. ф. *v'er'uv* / *v'er'u* – э. л. *верев* ‘наверх’, д. ф. *m'äkuv* / *m'eku* – э. л. *мекев* ‘обратно, снова’, д. ф. *k'am'in'uv* / *k'em'en'uv* – э. л. *кеменев* ‘на десять частей’, д. ф. *n'il'uv* – э. л. *нилев* ‘на четыре части’, д. ф. *kaftuv* – э. л. ‘надвое’ [ПМА 3: Маштаков, Паранькина];

5) в финитных и инфинитных глагольных формах: д. ф. *maštums* – э. л. *маштомс* ‘мочь, уметь’, д. ф. *suvams* – э. л. *совамс* ‘входить’, д. ф. *kaduvvat* – э. л. *кадоват* ‘останешься’, д. ф. *s'ez'uvsv'* – э. л. *сезевсь* ‘оторвался’, д. ф. *v'ečkuvsv'* – э. л. *вечкевсь* ‘понравился, любил’, д. ф. *t'ejuvsv'* – э. л. *теевсь* ‘он сделался’, д. ф. *m'ijuvsv'* – э. л. *миевсь* ‘смогли продать’, д. ф. *l'ed'uft* – э. л. *ледезь* ‘скошенный’, д. ф. *s'imuft* – э. л. *симезь* ‘выпивший’, д. ф. *m'ijuft* – э. л. *миезь* ‘проданный’ [ПМА 3: Маштаков, Паранькина; ПМА 1: Ларькина, Силантьева].

Переход гласных [i] и [e] литературного языка в лабиализованный [u] в диалектных формах перед [v] Д. В. Цыганкин называет регрессивной губной ассимиляцией [16, 238]. На наш взгляд, здесь наблюдается регрессивная губная аккомодация. Поскольку ассимиляция в эрзянском языке бывает только между консонантами или же между гласными, тогда как аккомодация возникает между гласным и согласным, или наоборот, между согласным и гласным. Регрессивная губная аккомодация – это характерное явление присурских говоров, сравните: д. ф. *p'ir'uv* / *p'ir'u* – э. л. *пирев*; д. ф. *v'äl'uv* / *v'el'u* – э. л. *велев*; д. ф. *v'ir'uv* / *v'ir'u* – э. л. *вирев* «в лес» [ПМК].

Необходимо заметить, что качество непервого слога слова с гласными переднего ряда зависит и от качества предшествующего согласного, т. е. от твёрдости и мягкости согласных. В говоре села Мордовское Давыдово после всегда твёрдых заднеязычных и губных согласных нами зафиксирован гласный звук [i], который является вариацией фонемы <i>: д. ф. *p'il'giz'indzâ* – э. л. *пильгезэнзэ* ‘на его ноги’, д. ф. *jakiť* – э. л. *якуть* ‘ты ходил’, д. ф. *javiñ* – э. л. *явинь* ‘я разошёлся’, д. ф. *S'imkiñav* – э. л. *Симкинав* ‘в село Симкино’ [ПМА 3:

Маштаков, Паранькина]. Наличие вариации фонемы [i] является устойчивой чертой в речи жителей села Мордовское Давыдово, а также в речи информантов сёл Сабаево, Мурань и Красная Зорька Кочкуровского района Республики Мордовия.

В рассматриваемых говорах вокализм непервого слога слова строится на основе определённых фонетических закономерностей. В любой позиции в словоформах этих говоров наличествует нейтральный гласный [a]. В словах, где в литературном языке в непервом слоге слова употребляется гласная [o], в этих говорах ему соответствует всегда редуцированный гласный. По характеру вокализма непервого слога слова анализируемые говоры относятся к говорам с редуцированными гласными. Редукция здесь продуктивная, следовательно, это – устойчивая черта этих говоров. Наличие редукции гласных сближает эти говоры с мокшанским языком.

Гласные конца слова. В говорах сёл Качелай, Мордовское Давыдово, Паракино, Пермиси зафиксированы следующие гласные конца слова: [a], [ä], [â]-образный, э-образный и ĭ-образный редуцированные гласные.

В данном диалектном ландшафте в открытом слоге конца слова отсутствуют гласные [o] и [e] эрзянского литературного языка, вместо них появляется [â]-образный редуцированный гласный. Наличие представленного гласного прослеживается в следующих случаях:

1) после твёрдых согласных, как парных, так и непарных, которым предшествует гласная заднего ряда [a]: д. ф. *sardâ* – э. л. *сардо* ‘заноза’, д. ф. *vardâ* – э. л. *вардо* ‘раб’, д. ф. *kardâ* – э. л. *кардо* ‘хлев’, д. ф. *pacâ* – э. л. *пача* ‘хорёк’, д. ф. *vacâ* – э. л. *вачо* ‘голодный’, д. ф. *karčâ* – э. л. *каршо* ‘напротив’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева; ПМА 3: Маштаков, Паранькина];

2) после твёрдых парных согласных, которым предшествуют гласные переднего ряда: д. ф. *v'äl'isâ* / *v'el'isâ* – э. л. *велесэ* ‘в селе’, д. ф. *l'äm'izâ* / *l'em'azâ* – э. л. *лемезэ* ‘его имя’, д. ф. *k'izâ* – э. л. *кизэ* ‘лето’, д. ф. *k'äd'izâ* – э. л. *кедэзэ* ‘его кожа’, д. ф. *k'ed'azâ* – э. л. *кедэзэ* ‘его рука’ [ПМА 1: Ларькина, Силантьева; ПМА 3: Маштаков, Паранькина].

Конечный [â]-образный редуцированный гласный при словоизменении имён существительных в закрытом слоге переходит в ĭ-образный или э-образный редуцированный гласный:

latkâ – *latkĭt'* / *latkät'* «этого оврага», *načkâ* – *načkĭs'* / *načkäs'* «эта сырость», *skal* – *skalĭnk* / *skalänk* «ваша корова», *očkâ* – *očkĭs'* / *očkäs'* «это корыто», *kurgâ* – *kurgĭm* / *kurgäm* «мой рот», *sur* – *surĭt* / *surät* «твой палец», *k'izâ* – *k'izĭs'* / *k'izäs'* «это лето» [ПМК]. Для информантов говоров сёл Паракино и Качелай характерен ĭ-образный редуцированный гласный, в речи информантов сёл Пермиси и Мордовское Давыдово употребляется э-образный редуцированный гласный. В данных формах литературного языка выступают гласные [o] и [e].

Обсуждение и заключение

Анализ фонологической системы лингвистического ландшафта Присурья позволяет показать особенности системы вокализма эрзянских говоров сёл Паракино, Пермиси, Качелай и Мордовское Давыдово. Рассмотренные говоры включают в себя характерные черты двух близкородственных языков, которые выработали собственные диалектные особенности эрзянского языка с элементами мокшанского.

На основе полевого материала определён инвентарь гласных фонем описываемого ландшафта, установлен их фонематический статус, выявлены закономерности употребления гласных в различных фонетических условиях, описаны особенности гласных фонем первого, непервого и последнего слога слова. Рассмотрению подверглись отдельные вопросы фонологического описания, связанные с разграничением фонем, их вариантов и вариаций, редукции гласных.

В анализируемых говорах вокализм первого слога слова богаче, чем вокализм непервого и последнего слога слова. Система вокализма первого слога слова характеризуется пятью- и шестифонемным составом. В говорах сёл Пермиси и Мордовское Давыдово наличествует пятисоставная система гласных фонем, в говорах сёл Паракино и Качелай шестифонемный состав. В последних зафиксирована фонема <ä>, которая независимо от фонетического окружения имеет достаточно высокую функциональную нагрузку. Она выступает в первых и непервых слогах, в абсолютном конце слова в следующих позициях: перед мягким согласным, между мягкими согласными в первом слоге слова, между всегда твёрдым заднеязычным согласным и парным мягким согласным, между всегда твёрдыми губными согласными и парным мягким согласным, между всегда

твёрдыми согласными и довольно редко между твёрдым и мягким парными согласными, не смягчая при этом впереди стоящий парный твёрдый согласный.

В описываемых говорах в непервых слогах слова отсутствуют гласные [o], [u], [e], вместо них функционируют ĭ-образный и э-образный редуцированные гласные. [â]-образный редуцированный гласный зафиксирован только в позиции абсолютного конца слова. Таким образом, в анализируемых говорах наряду с гласными полного образования в непервых слогах слова широко употребительны редуцированные гласные.

Под влиянием регрессивной аккомодации в непервых слогах слова перед губными согласными [v] и [m] гласные переднего и заднего ряда подвергаются лабиализации. Данная тенденция прослеживается в именах существительных – в абсолютной форме (*toduv* «подушка»), в формах латива и пролатива (*lajmuv* «на пойму», *lašmuva* «через речку Лашма», *t'ikšuva* «по траве»); в формах наречий (*m'äkuv* / *m'eku* «обратно»; *n'il'uv* «на четыре части»); в финитных и инфинитных глагольных формах (*suvams* «входить», *m'ijuft* «проданный») [ПМК].

Сокращения

д. ф. – диалектная форма, м. я. – мокшанский язык, э. д. – эрзянские диалекты, э. л. – эрзянский литературный.

Список источников и литературы

1. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Структура словоформ глаголов будущего времени объектного спряжения в эрзянских диалектах Заволжья и Южного Урала // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 407–417.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В. Программа по сбору диалектного материала эрзянского языка. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 80 с.
3. Бибин М. Т. Говоры на скафтымской мордвы // Учёные записки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. № 43. С. 19–159.
4. Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. 270 с.
5. Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1980. 430 с.
6. Деваев С. З., Цыганкин Д. В. Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков. Саранск: Ковылкинская типография, 1970. 83 с.
7. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык). М.: Наука, 1984. 142 с.
8. Иванова Г. С., Бутылов Н. В. Репрезентация финно-угорского *ä непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 25–32.
9. Иванова Н. В. Переходный диалект мокшанского языка: (фонетика, словоизменение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 25 с.
10. Имайкина М. Д. Неень шкань эрзянь келесь. Фонетика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 326 с.
11. Лизанец П. Н. Некоторые теоретические вопросы взаимодействия языков // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания финно-угроведов (27–30 октября). Ужгород: УГУ, 1977. С. 42–47.
12. Ломакина Т. И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка (краткий фонетический очерк) // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. IV. С. 289–330.
13. Образцы мордовской речи диалектов Заволжья и Южного Урала / Агафонова Н. А., Рябов И. Н., Рябова Г. В., Цыганкин Д. В. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. 228 с.
14. Обьедкин В. Д. Говор села Мордовское Давыдово Кочуровского района Мордовской АССР // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. II. С. 37–98.
15. Трубецкой Н. С. Мордовская фонологическая система в сравнении с русской // Избранные труды по филологии: Переводы. М.: Прогресс, 1987. С. 63–66.
16. Цыганкин Д. В. Об одной фонетической особенности некоторых говоров Присурья // Очерки мордовских диалектов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. II. С. 234–239.
17. Цыганкин Д. В. Фонетика эрзянских диалектов. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 1979. 111 с.
18. Цыганкин Д. В. Опыт классификации эрзянских говоров Мордовского Присурья // Мордовские языки глазами учёного-лингвиста. Саранск: Красный Октябрь, 2000. С. 25–36.
19. Цыганкин Д. В. Свидетельства диалектологии как источник изучения истории мордовского народа // Мордовские языки глазами лингвиста-финноугроведа: сб. избр. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2011. С. 13–18.

20. Цыганкин Д. В., Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Архаичные и инновационные явления в падежных парадигмах эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 3. С. 254–264.
21. Цыганов Н. С. Гласные первого слога слова в мордовских диалектах // Учёные записки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. № 43. С. 3–18.
22. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1910. 848 с.
23. Budenz J. Moksa – és erza-mordvin nyelvtan // Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1876. Pp. 82–101.
24. Bartens R. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 p. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232).
25. Feoktistov A. P. Die Dialecte der mordwinischen Sprachen // Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. XXXI–XLII.
26. Keresztes L. Chrestomathia Morduinica. Budapest: Tankönyvkiado, 1990. 204 p.
27. Wiedemann F. J. Grammatik der Erza-Mordwinischen Sprache. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p.
28. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Suomalais-Ugrilainen Seura Druckerei der Finnischen Litteraturgesellschaft, 1903. 123 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXII).

Полевые материалы автора

- ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Паракино Большеберезниковского р-на Республики Мордовия, июль 2021 г. (Информанты: В. И. Ларькина, 1966 г. р.; В. В. Силантьева, 1953 г. р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Пермиси Большеберезниковского района р-на Республики Мордовия, август 2021 г. (Информанты: В. И. Агейкина, 1946 г. р.; П. В. Ошкин, 1948 г. р.).
- ПМА 3 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Кочкуровский р-н Республики Мордовия, август 2022 г. (Информанты: с. Качелай – А. С. Адушкин, 1949 г. р., В. И. Нарядкина, 1941 г. р.; с. Мордовское Давыдово – В. П. Маштаков, 1953 г. р.; Е. С. Паранькина, 1950 г. р.).

References

1. Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Struktura slovoform glagolov budushchego vremeni ob'ektnogo spryazheniya v erzyanskih dialektah Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Structure of word forms of future tense verbs of object conjugation in the Erzya dialects of the Zavolzhye and Southern Urals]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (3), pp. 407–417. (In Russian)
2. Agafonova N. A., Ryabov I. N., Ryabova G. V. *Programma po sboru dialektного materiala erzyanskogo yazyka* [Program for collecting dialect material of Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2018. 80 p. (In Russian)
3. Bibin M. T. *Govory naskaftymskoj mordvy* [Dialects of the Mordovians of Naskaftym]. *Uchenye zapiski* [Scholarly Notes]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1964. Vol. 43. Pp. 19–159. (In Russian)
4. Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical grammar of the Erzya language]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1953. 270 p. (In Russian)
5. *Grammatika mordovskih yazykov. Fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya* [Grammar of the Mordovian languages. Phonetics, graphics, orthography, morphology]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 1980. 430 p. (In Russian)
6. Devaev S. Z., Tsygankin D. V. *Fonetika mordovskih (mokshanskogo i erzyanskogo) literaturnyh yazykov* [Phonetics of the Mordovian (Moksha and Erzya) literary languages]. Saransk: Kovylkinskaya tipografiya Publ., 1970. 83 p. (In Russian)
7. Yermushkin G. I. *Arealnye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (erzya-mordovskij yazyk)* [Areal research of the Eastern Finno-Ugric languages (Erzya-Mordovian language)]. Moscow: Nauka Publ., 1984. 142 p. (In Russian)
8. Ivanova G. S., Butylov N. V. *Reprezentaciya finno-ugorskogo *ä nepervogo sloga (na materiale mokshanskih dialektov)* [Representation of the Finno-Ugric *ä of a non-first syllable (on the material of the Moksha dialects)]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2021, no. 11 (1), pp. 25–32. (In Russian)
9. Ivanova N. V. *Perekhodnyj dialekt mokshanskogo yazyka: (fonetika, slovoizmenenie)* [Transitional dialect of the Moksha language: (phonetics, inflection)]. Saransk, 2022. 25 p. (In Russian)
10. Imaykina M. D. *Neen'shkan'erzyan'keles'*. *Fonetika* [Modern Erzya language. Phonetics]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta Publ., 2008. 326 p. (In Erzya)
11. Lizanets P. N. *Nekotorye teoreticheskie voprosy vzaimodejstviya yazykov* [Some theoretical issues of language interaction]. *Issledovanie finno-ugorskih yazykov i literatur v ix vzaimosvyazyax s yazykami i literaturami narodov SSSR: Tezisy dokladov Vsesoyuznogo nauchnogo soveshchaniya finno-ugrovedov (27–30 oktyabrya)* [Research of Finno-Ugric languages and literatures in their interrelations with the languages and literatures of the peoples of the USSR: Abstracts of the All-Union Scientific Meeting of Finno-Ugric Scholars (October 27–30)]. Uzhgorod: UGU Publ., 1977. Pp. 42–47. (In Russian)

12. Lomakina T. I. *Gorodishchenskij dialekt moksha-mordovskogo yazyka (kratkij foneticheskij ocherk)* [Gorodishche dialect of the Moksha-Mordovian language (a brief phonetic essay)]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1966. Vol. IV. Pp. 289–330. (In Russian)
13. *Obrazcy mordovskoj rechi dialektov Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Samples of the Mordovian speech of the dialects of the Volga region and the Southern Urals]. Agafonova N. A., Ryabov I. N., Ryabova G. V., Tsygankin D. V. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2022. 228 p. (In Russian)
14. Obedkin V. D. *Govor sela Mordovskoe Davydovo Kochkurovskogo rajona Mordovskoj ASSR* [Dialect of the village of Mordovskoye Davydovo of Kochkurovsky District of the Mordovian ASSR]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1961. Vol. II. Pp. 37–98. (In Russian)
15. Trubetskoy N. S. *Mordovskaya fonologicheskaya sistema v sravnenii s russkoj* [Mordovian phonological system in comparison with the Russian]. *Izbrannye trudy po filologii: Perevody* [Selected works on philology: Translations]. Moscow: Progress Publ., 1987. Pp. 63–66. (In Russian)
16. Tsygankin D. V. *Ob odnoj foneticheskoj osobennosti nekotoryh govorov Prisur'ya* [About one phonetic feature of some dialects of the Sura region]. *Ocherki mordovskih dialektov* [Essays on the Mordovian dialects]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1963. Vol. II. Pp. 234–239. (In Russian)
17. Tsygankin D. V. *Fonetika erzyanskih dialektov* [Phonetics of the Erzya dialects]. Saransk: Izd-vo Mordov. gos. un-ta Publ., 1979. 111 p. (In Russian)
18. Tsygankin D. V. *Opy't klassifikacii e'rzyanskix govorov Mordovskogo Prisur'ya* [Experience of classification of the Erzya dialects of the Mordovian Sura region]. *Mordovskie yazyka glazami uchenogo-lingvista* [Mordovian languages through the eyes of a linguist]. Saransk: Krasnyj Oktyabr' Publ., 2000. Pp. 25–36. (In Russian)
19. Tsygankin D. V. *Svidetel'stva dialektologii kak istochnik izucheniya istorii mordovskogo naroda* [Evidence of dialectology as a source for study of the history of the Mordovian people]. *Mordovskie yazyka glazami lingvista-finnougroveda: sb. izbr. st* [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric scholar: collection of selected articles]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta Publ., 2011. Pp. 13–18. (In Russian)
20. Tsygankin D. V., Agafonova N. A., Ryabov I. N. *Arhaichnye i innovacionnye yavleniya v padezhnyh paradigmah erzyanskih dialektov Zavolzh'ya i Yuzhnogo Urala* [Archaic and innovative phenomena in the case paradigms of the Erzya dialects in the Volga region and the Southern Urals]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2021, no. 3, pp. 254–264. (In Russian)
21. Tsyganov N. S. *Glasnye pervogo sloga slova v mordovskih dialektah* [Vowels of a first syllable of a word in the Mordovian dialects]. *Uchenye zapiski* [Scholarly Notes]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1964. Vol. 43. Pp. 3–18. (In Russian)
22. Shakhmatov A. A. *Mordovskij etnograficheskij sbornik* [Mordovian ethnographic collection]. Saint-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk Publ., 1910. 848 p. (In Russian)
23. Budenz J. *Moksa – és erza-mordvin nyelvtan*. Nyelvtudományi Közlemények XIII. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1877. Pp. 82–101. (In Hungarian)
24. Bartens R. *Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 183 p. (Memoires de la Societe Finno-Ougrienne; 232). (In Finnish)
25. Feoktistov A. P. *Die Dialecte der mordovinischen Sprachen, Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990. Bd. 1. Pp. XXXI–XLII. (In German)
26. Keresztes L. *Chrestomathia Morduinica*. Budapest: Tankönyvkiado, 1990. 204 p. (In Hungarian)
27. Wiedemann F. J. *Grammatik der Erza-Mordwinischen Sprache*. Saint-Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1865. 261 p. (In German)
28. Paasonen H. *Mordwinische Lautlehre. Akademische Abhandlung*. Helsingfors, 1893. = *Mordwinische Lautlehre*. MSFOu XXII. Helsingfors, 1903. 123 p. (In German)

Field materials of the author

Field materials of the author 1 – *Ekspediciya v s. Parakino Bolshebereznykovskogo r-na Respubliki Mordoviya, iyul' 2021 g.* (Informanty: V. I. Lar'kina, 1966 g. r.; V. V. Silantjeva 1953 g. r.) [Expedition to the village of Parakino, Bolshebereznykovsky District, Republic of Mordovia, July 2021 (Informants: V. I. Larkina, 1966 year of birth; V. V. Silantyeva, 1953 year of birth)].

Field materials of the author 2 – *Ekspediciya v s. Permissi Bolshebereznykovskogo rajona r-na Respubliki Mordoviya, avgust 2021 g.* (Informanty: V. I. Agejkina, 1946 g. r.; P. V. Oshkin, 1948 g. r.) [Expedition to the village of Permissi, Bolshebereznykovsky District, Republic of Mordovia, August 2021 (Informants: V. I. Ageykina, 1946 year of birth; P. V. Oshkin, 1948 year of birth)].

Field materials of the author 3 – *Ekspediciya v Kochkurovskij r-n Respubliki Mordoviya, avgust 2022 g.* (Informanty: s. Kachelaj – A. S. Adushkin, 1949 g. r.; V. I. Naryadkina, 1941 g. r.; s. Mordovskoe Davydovo – V. P. Mashtakov, 1953 g. r.; E. S. Paran'kina, 1950 g. r.) [Expedition to the Kochkurovsky District, Republic of Mordovia, August 2022 (Informants: Kachelaj village – A. S. Adushkin, 1949 year of birth; V. I. Naryadkina, 1941 year of birth; Mordovskoe Davydovo village – V. P. Mashtakov, 1953 year of birth; E. S. Parankina, 1950 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова Нина Афанасьевна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат филологических наук.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Рябова Галина Викторовна, доцент кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68), кандидат филологических наук.

ryabova.gv@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-9789-9187

Цыганова Мария Викторовна, аспирант кафедры мордовских языков, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68).

tsyganova.mariya.98@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-8355-3755

ABOUT THE AUTHORS

Agafonova Nina Afanasyevna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

ohanina@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0001-8751-2751

Ryabova Galina Viktorovna, Associate Professor, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Candidate of Philological Sciences.

ryabova.gv@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-9789-9187

Tsyganova Maria Viktorovna, Postgraduate Student, Department of the Mordovian Languages, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68).

tsyganova.mariya.98@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-8355-3755